

М. И. Климова

ВЫБОРЫ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В статье устанавливается связь между выборами как формой непосредственного народовластия и деятельностью парламента в качестве формы представительной демократии. Автор обосновывает то, что выборы могут быть выражением народного суверенитета лишь в том случае, если они служат способом отбора в представительные органы самых достойных.

Ключевые слова: выборы, суверенитет, демократия, народ, государство, государственная власть, парламента.

М. I. Klimova

ELECTION AS A FORM OF EXERCISING THE PEOPLE'S SOVEREIGNTY

The article establishes a connection between the election as a form of direct people's power and the parliament's activity as a form of representative democracy. The author proves that the election can express the people's sovereignty only if it serves as a way to elect the most deserving people to representative bodies.

Keywords: election, sovereignty, democracy, people, state, state power, parliament.

Концепция народного суверенитета с момента своего возникновения и по настоящее время основывается на признании этносоциального субстрата государства — государствообразующего народа — единственным источником и первичным носителем государственной власти. Эта концепция выступила антитезой монархическому суверенитету, утверждавшему божественное право королей на осуществление верховной власти, организацию государственного аппарата и руководство его деятельностью. В противовес этому теория народного суверенитета рассматривает государственный аппарат и отдельные государственные и муниципальные структуры, всю их деятельность как производные и зависимые от воли и интересов народа, подчиненные им и перед ним ответственные. Указанные постулаты выступают в качестве основы политико-правового порядка, признаются основополагающими принципами организации и осуществления государственной власти в демократических государствах, закрепляются в их конституционном законодательстве.

В связи с этим концепция народного суверенитета тесно связана с различными демократическими теориями. Она находится в их

основе, служит основополагающим базисом. Так, американский президент А. Линкольн считал, что «демократия — это такая организация государства, при которой осуществляется правление народа, в интересах народа и при его участии» [Цит по: 1, с. 578]. Современный исследователь полагает, что «демократия есть такой строй и образ жизни, когда народ сам управляет своими делами — и государственными и общественными. Над ним никто не должен стоять, считая народ лишь объектом управления» [2, с. 328—329].

Первый шаг к соединению принципа суверенитета с идеей демократии был сделан еще в XVIII в. Ж.-Ж. Руссо. Он связал идею суверенитета как верховной власти государства с общей волей народа, которая не может быть представлена, ибо в противном случае она перестает быть общей и становится частной, что может привести к разрушению политического организма. Народу как непосредственному носителю верховенства и должна, по мнению Руссо, принадлежать вся полнота законодательной власти. Возможность представительства (репрезентации) общей воли народа при принятии законов швейцарским философом отрицалась [3, с. 208—216, 280—282], что делало его идеи практически неосуществимыми. Его политико-философская

конструкция в большей степени ставила проблему народовластия, чем разрешала ее. Однако «несомненная заслуга Руссо здесь состояла в том, что ему удалось вычлениить и установить связку суверенитет-народ (через общую волю) — закон» [4, с. 141]. В то же время крайний рационализм, софизм и доктринерство, присутствующие в его теоретических конструкциях, приводят его к построению отвлеченного идеала государственной организации, недостижимого в практической жизнедеятельности государства и общества. Поэтому в практике государственного строительства буржуазного общества преобладающее значение получила не доктрина непосредственного полновластия народа, а идея представительной демократии, репрезентации народной воли посредством представительного органа, избираемого народом [5, с. 44—45].

В основе концепции представительной демократии лежало учение Ш. Л. Монтескье [6, с. 140—142], развитое во время Великой французской буржуазной революции Э. Ж. Сийесом. Аббат Сийес соединил идею суверенитета народа с идеей представительства, по-новому интерпретировав идею нации. Если прежде отражением символического тела нации, ее выражением и воплощением ее субстанции являлся монарх [7, с. 153—183, 624—625, 652—653], то после свержения короля и его казни тело народа отделяется от личности монарха и становится сувереном само в своем собственном лице. Но «...поскольку большая нация в действительности не может собраться сама собой всякий раз, как того могли потребовать обстоятельства, нужно, чтобы она доверила своим... представителям необходимые в таких случаях полномочия... Корпус представителей заменяет собрание всей нации... вне зависимости всех ее конституционных форм», — пишет Сийес в работе «Что такое третье сословие?» [цит по: 4, с. 42]. Для того времени это была совершенно новаторская концепция. Ведь при старом режиме речь могла идти только о представителях того или иного сословия, теперь же ставился вопрос о представительстве всей нации, народа в целом, вне его сословного разделения. Так были созданы теоретические основы непосредственной и представительной демократии как формы и способы реализации принципа народного суверенитета.

Таким образом, в соответствии с концепцией народного суверенитета изначально вся полнота власти находится в территориальном коллективе людей — народе, нации. Однако организация этой власти, государственный аппарат, включая органы верховной власти, есть лишь официальный представитель народа, выразитель его воли, и общий интерес выступает здесь единственным верховным началом государственной жизни, правомерным, легитимным источником всякой власти и ее нравственным освящением. Но так как современное государство весьма сложно по своей структуре и организации, осуществляемым функциям и задачам, непосредственное участие народа в отправлении государственной власти, его постоянная деятельность по решению управленческих задач не представляется возможной.

Да и сами жизненные задачи и цели, стоящие перед подавляющим большинством людей и социальных групп в обществе и задаваемые характером их деятельности, общественными связями и интересами, находятся вне сферы управления государством. Все не могут заниматься политикой и администрированием.

Из этого следует, что народ в государственно организованном обществе как единое социальное целое может участвовать в осуществлении государственной власти непосредственно только периодически в определенные или через определенные промежутки времени и лишь для решения вполне конкретных вопросов, либо опосредованно, репрезентативно, через своих представителей в органах государственной власти и местного самоуправления. Тем самым доктрина народного суверенитета исходит из того, что народ осуществляет свою волю непосредственно только лишь путем голосования при выборах депутатов представительных органов, призванных представлять и выражать всеобщие интересы и волю при принятии законов и других важнейших решений общенационального значения, а также при проведении референдумов, где народ решает голосованием иные важные вопросы государственной жизни. А в период между проведением выборов и референдумов народную волю и общественные интересы призваны адекватно проявлять, представлять и выражать органы государственной власти и местного самоуправления.

Отсюда складывается основополагающая роль, которую играют выборы в демократическом государстве.

Во-первых, выборы выступают правовой формой реализации государствообразующим народом своего суверенитета, т. е. верховенства его воли в решении такого важного вопроса общегосударственного значения, как вопрос о том, кто конкретно и какие политические силы будут представлять и осуществлять его интересы в органах общенационального и регионального представительства. Общенациональные представительные органы одновременно являются и высшими органами законодательной власти, к компетенции которых относится принятие законов. Законодательную власть, начиная с Ж. Бодена и Ж. Ж. Руссо [3, с. 226—233; 8], как правило, отождествляют с верховной властью либо считают основной формой ее правления. Это вытекает из того, что закон является нормативно-правовым актом высшей юридической силы, обладает верховенством по отношению ко всем другим нормативным актам в правовой системе общества. Он выступает верховной формой выражения воли государства, воплощением его суверенитета и суверенной воли составляющего его народа. Органы государственной власти, принимающие законы либо участвующие в их принятии с правом решающего голоса, относятся к высшим органам государства, субъектам верховной государственной власти.

Таким образом, высшие представительные и законодательные органы создаются посредством выборов для того, чтобы подавляющее большинство граждан государства, не отвлекаясь от своих насущных дел, могло передать наиболее важные и значимые вопросы суверенного значения своим выборным представителям. Поэтому сами выборы, являясь формой непосредственного народовластия, служат выражением и формой народного суверенитета, так как в процессе их организации и проведения происходит передача и делегирование изначально принадлежащей народу верховной власти своим представителям (делегатам) в высшем законодательном органе государственной власти — парламенте. Тем самым воля парламента становится

«непосредственно народной волей», хотя прямой правовой связи между народом и парламентом, обусловленной полномочием или какой-либо другой юридической категорией, нет» [9, с. 554—555]. Однако политическая связь несомненно присутствует, как и наличествует политическая ответственность депутатов.

Во-вторых, в процессе организации и проведения выборов происходит реализация важнейшего политического права граждан — права на участие в управлении делами государства. И здесь необходимо подчеркнуть, что конкретный избиратель, голосующий на выборах, присутствует на избирательном участке и подает свой голос не как отдельный человек в своей природной данности, а как гражданин государства, как элементарная часть определенного политического единства, обладающего статусом государства. При всеобщих прямых равных выборах во время тайного голосования он голосует не за себя как частную личность. Соответственно избирательный округ представляет не отдельную автономную территорию внутри государства и партийный список (при пропорциональной избирательной системе) существует не ради каких-то внутрипартийных целей, а лишь как средство достижения полноценной репрезентации политического единства государствообразующего народа [10, с. 43].

И поскольку в целом ряде случаев парламент действует так, как будто он представляет всю нацию в миниатюре и выступает как один из ее символов [11, с. 14—15], а народ и народное представительство образуют правовое единство, и парламент в юридическом смысле является организованным народом [9, с. 556—557], то из этого вытекает, что сами выборы парламента есть не частное дело каждого конкретного гражданина, а дело общегосударственное, дело единого, общего, всенародного интереса.

В-третьих, выборы в демократическом государстве должны служить средством, способом отбора в государственно правящий слой лучших представителей нации (народа), «лучших людей страны» [12, с. 155—159].

В этой связи следует отметить, что обычно демократию как форму организации власти и аристократию как правление привилегированных сословий или лиц противопоставляют друг другу. Однако, как считает И. А. Ильин, подобный взгляд

следует признать ошибочным. Он есть «порождение политических страстей демагогии и ожесточения». «Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию, т. е. выделяет кверху лучших людей; а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно лучшие силы народа» [12, с. 156]. При этом под аристократией в данном случае понимается не власть высшего или привилегированного сословия, имущего класса или класса собственников, а правление лучших в духовном и интеллектуально-профессиональном смыслах этого слова. Это должны быть не самые богатые, родовитые, влиятельные люди или ловкие и пронырливые демагоги и политики, но искренние патриоты, государственно мыслящие, политически опытные, умные, волевые и ответственные, организационно даровитые и образованные люди, облеченные доверием своих сограждан [12, с. 156—157]. Другими словами, выборы в демократическом государстве должны привести к такой форме организации власти и управления, которой английский социолог М. Янг дал название «меритократия» (лат. *meritus* — «достойный») — буквально власть наиболее достойных, одаренных, заслуженных или власть, основанная на заслугах [13, с. 24—25]. Именно лучшие, заслуженные, достойные этого должны править во всех государствах и при всех режимах. Демократия, не умеющая выделить и призвать к управлению делами государства действительно лучших или, по крайней мере, достойных этого людей, честных и умных патриотов, неминуемо губит народ и государство.

К сожалению, драматизм ситуации заключается в том, что ни демократия как форма правления и политический режим, ни самая демократическая избирательная система не гарантируют того, что бразды правления в результате выборов непременно попадут в руки наиболее лучших и достойных представителей народа. Отсюда вытекает еще одна важная черта выборов как формы осуществления и реализации народного суверенитета.

Выборы выступают основополагающей формой политико-правового контроля граждан и всего народа за эффективностью и правильностью деятельности выборных органов государственной власти. Они дают возможность избавиться от

недостойных и безответственных депутатов и президентов, не оправдавших доверие избирателей, без государственных переворотов, революций и мятежей.

Выборы — только ступень к народовластию и народному суверенитету, лишь одна из форм проявления и достижения реального верховенства воли и интересов народа. И уже на этой ступени вполне возможно искажение этой воли и интересов, когда в избираемые органы попадают лица, отстаивающие не общегосударственные (общенациональные), а узкокорпоративные, сословные, партийные и иные групповые и лично-эгоистические (семейные) интересы. Поэтому вряд ли стоит довольствоваться самим фактом наличия выборов и избираемых органов власти. Необходимо, чтобы эти органы — парламент, президент и все исполнительные структуры, подконтрольные им, качественно и эффективно осуществляли государственно-властные функции в интересах государствообразующего народа. Если же к власти в результате выборов, искусно выстроенной системы манипуляции общественным мнением приходят силы и люди, работающие на интересы плутократии, олигархии, бюрократии, узкопартийной клики, выборы начинают выполнять «...роль демократической ширмы, за которой скрывается самое настоящее нарушение интересов народа, наступление на права большинства населения в интересах меньшинства» [14, с. 212].

Здесь необходимо иметь в виду, что механизм политического представительства и репрезентация верховной власти народа высшими представительными органами государственной власти есть в значительной степени юридическая фикция [15, с. 186]. Непосредственная власть, т. е. право принятия решений и организация их исполнения принадлежит небольшой группе людей, которые являются непосредственными носителями или держателями политической власти. Однако абсолютно справедливо то, что «без репрезентации не существует ни одно государство» [10, с. 42]. И демократические выборы, с одной стороны, являются одной из возможных форм репрезентации, а с другой — одной из форм контроля за деятельностью выборных органов власти, которые так или иначе заставляют их функционировать в нужном направлении, что, конечно, не снимает

необходимости налаживания публичного контроля за этими органами в период между выборами.

Таким образом, выборы, посредством которых формируются представительные органы государственной власти, являясь формой непосредственной демократии, одновременно выступают как основополагающая форма

реализации народом своего суверенитета, воплощают в себе идею общей воли и призваны осуществлять политико-правовую связь государственной власти и общества, обеспечивая в нем политическую свободу граждан.

Список библиографических ссылок

1. Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической концепции права и государства. Юрьев, 1912.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России: в 2 т. М.: Юрист, 2005. Т.1.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: ТЕРРА-Книжный клуб: КАНОН-Пресс-Ц, 2000.
4. Федорова М. М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Демократия и суверенитет: многообразие исторического опыта. М.: Идея-Пресс, 2010.
5. Грачев Н. И. Концепция народного суверенитета: происхождение, практика реализации и основные противоречия // Философия социальных коммуникаций. 2009. № 7. С. 44—45.
6. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
7. Ямпольский М. Физиология символического. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 1: Возвращение левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима.
8. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000.
9. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
10. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
11. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Агентство «Издательский сервис», 2004.
12. Ильин И. А. Наши задачи // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1.
13. Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2008.
14. Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2003.
15. Валадес Диего. Контроль над властью. М.: Идея-Пресс, 2006.

© Климова М. И., 2013